

Алексей Ластовский

Русский национализм как идеологический проект белорусской идентичности

Общая характеристика

Данная работа осуществлена в рамках исследования «Проекты нации и идентичности. Беларусь-Украина. 1990-2008», ставящего целью выделение, описание и анализ наиболее репрезентативных проектов национальной идентичности, существующих в публичном пространстве Беларуси¹.

Мы говорим в данном случае о проектах нации как неких дискурсивных целостностях и согласованностях представлений о сущности белорусской нации. Выделение ключевых проектов нации опирается на две характеристики: а) наличие системного образа прошлого, настоящего и будущего белорусов, в котором можно выделить определенные составные блоки, которые обладают семантической устойчивостью и воспроизводимостью и б) возможность выделения дискурсивных особенностей, которые задают специфику и конкретность данного идеологического проекта именно как интеллектуальной конструкции.

Среди основных версий белорусской нации, которые оказывают непосредственное влияние на политическую, культурную и интеллектуальную жизнь страны, выделяется русоцентризм². Идейное ядро для данного проекта – рассмотрение белорусов как неотъемлемой части русского народа. Русский народ понимается как суперэтнос, объединяющий великоросов, малороссов и белорусов. Для этого суперэтнуса характерно единство языка и культуры, общность ценностей и менталитета. Вкратце, эта главная установка русоцентризма может быть сформулирована следующим образом: «Белорус, как великоросс и украинец, по своей теоретической и практической жизни является русским человеком, а Белоруссия, как Россия и Украина, составляют часть единой общерусской цивилизации»³.

---

¹ Проект реализовывался в рамках Института политических исследований «Политическая сфера» (www.palityka.org). Участники исследования: Алексей Дерман, Алексей Криволап, Алексей Ластовский, Татьяна Чижова. Руководитель исследования: Андрей Казакевич.

² «Русоцентризм» в данном случае вводится как термин, ранее широко не употреблявшийся в гуманитарном знании (его можно найти лишь в некоторых работах Андрея Казакевича), но вполне подходящий для дефиниции данного проекта в связи с недостатками других распространенных определений для этого круга идей (русский национализм, славянофильство/славянский национализм, западнорусизм).

³ Криштапович, Л. Белоруссия и русская цивилизация. Минск, 1999. С. 134 и сл.

Отсюда вытекают установки на союз с Россией, как главную геополитическую задачу для Беларуси. Несколько периферийными для данного политического проекта являются отсылки к славянскому братству и упоминания о «славянской цивилизации».

При этом идеологическое оформление русоцентризма обладает некоторыми специфическими чертами:

1. *Идеализм.* Это важнейшая характеристика русоцентризма, где идеализм проявляется в двух важнейших аспектах. Во-первых, это постоянное подчеркивание преобладания духовного над материальным, высокого над низким, религиозного над приземленным. И, во-вторых, закономерный уход в иррациональное видение мира, и соответственно, такой же иррациональный тип обоснования;

2. *Дуалистичность.* В рамках русоцентризма мир во всех его многочисленных аспектах воспринимается и описывается через дихотомии, исключительно в черно-белых тонах, где есть только Добро и Зло (т.е. высокодуховный Славянский Мир и загнивающий материалистический Запад), между которыми нет переходных степеней. История этого мира рассматривается как извечная борьба двух начал, между ними не может быть переговоров, согласований и компромиссов;

3. *Конспирологизм.* История и современность при этом описывается не с помощью рационалистических истолкований, а с помощью набора конспирологических теорий. За каждым действием ищется скрытый умысел – чаще всего злой, глубинные причины происходящих процессов уходят в различные теории заговоров. Отсюда вытекают постоянные параноидальные поиски врагов, даже в окружении своих «соратников». При этом если «своим» русоцентристы приписывают идеализм, ясность и чистоту намерений, то для идеологических противников возможны лишь два варианта: быть сознательными заговорщиками, руководимыми далеко идущими планами по разрушению светлой и чистой славянской цивилизации и установлению своего зловещего господства, либо быть наивными дураками, которых в своих целях прагматично использует первая категория.

4. *Эсхатологизм.* Результатом этих широких конспирологических сетей, окутавших весь мир, является то, что человеческая цивилизация рассматривается как стоящая на грани гибели, что придает трагическое измерение мироощущению, плюс требует невероятной духовной мобилизации.

Таким образом, благодаря наличию устойчивых идеологем (белорусы как часть русского суперэтноса, доминанта общей русской культуры и языка, установка на союз с Россией) и общих дискурсивных характеристик мы беремся утверждать о возможности выделения некоего единого и целостного проекта русоцентризма.

С другой стороны, проект русоцентризма не является полностью замкнутым; при наличии идейного центра, который является безусловной аксиологической доминантой, присутствуют и определенные моменты, вызывающие конфликтные интерпретации. Наличие идеологического единства против врагов и отстаивание ценностей русского народа отнюдь не означает полного единомыслия, и в рамках

проекта русоцентризма также возможны определенные расхождения и дискуссии. Наиболее спорными являются два момента: отношение к советскому прошлому (идеализация или критика) и оценка роли православия (при преобладании ортодоксально-православной позиции присутствует также и атеистическая критика, и уклоны в языческий мистицизм).

Институциональное оформление

Любой интеллектуальный проект существует в культурном пространстве в двух важнейших аспектах:

- 1) как совокупность выдающихся личностей, интеллектуалов,
- 2) как сеть различных институциональных образований (политические и общественные организации, газеты и журналы, различные неформальные образования).

Сначала упомянем несколько наиболее примечательных личностей, которые на наш взгляд, являются определяющими для данного проекта:

- Лев Криштапович, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь, доктор философских наук, профессор, ранее – ученый секретарь Института социально-политических исследований при администрации Президента;
- Эдуард Скобелев, писатель, главный редактор журнала *Информационный бюллетень администрации Президента Республики Беларусь*;
- Евгений Ростиков, журналист, в основном сотрудничающий с российской газетой *Завтра*;
- Валентин Акулов, доктор философских наук, профессор кафедры философии МГЛУ.

На наш взгляд, это наиболее репрезентативные представители русоцентризма, устойчиво с начала 90-х годов и до современности работающие в этом русле, и в их работах в наиболее концентрированной и четкой форме выражаются сущность и особенности этого интеллектуального проекта.

Также в русле русоцентризма работает и множество профессиональных историков, для некоторых из них этот круг идей стал удобной гаванью, куда можно было без особых проблем перебраться из советской историографии (Петриков, Сташкевич, Залесский и др.), но есть и поколение молодых «идейных» историков, пытающихся переоформить этот проект с помощью современного языка гуманитарного знания (Бендин, Гигин и др.).

В первую очередь здесь стоит выделить Якова Трещенка, кандидата исторических наук, доцента Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова. Именно его взгляды наиболее основательно отходят от советских шаблонов написания истории и в яркой и довольно радикальной форме служат выраже-

нием идей русоцентризма не только в плане исторического обоснования, но и современных концептуализаций белорусской нации.

Для оформления и развития любого интеллектуального проекта важны различные периодические издания. В этом плане проект русоцентризма явно уступает своим идеологическим противникам и конкурентам. В отличие от России, «патриотическая» пресса в Беларуси крайне слабо представлена в количественном отношении.

На протяжении 90-х годов существовали несколько различных газет, которые можно полностью отнести к «русоцентристским» по своим установкам:

- 1) *Славянские ведомости* (1991-1992 гг. издания);
- 2) *Русь Белая* (1993-1995 гг. издания);
- 3) *Личность* (1996-1999 гг. издания);
- 4) *Славянский набат* (1997-1999 гг. издания).

Также долгое время материалы в схожем ключе публиковались в газете *Знамя юности*, но это издание более широкого профиля и его сложно отнести к чисто «идеологическим изданиям». Близкой по позициям была и газета *Мы и время*, но основной упор там все же делался на пропагандирование реанимированной версии коммунистических идеалов.

Своеобразный пик печатной активности русоцентристского проекта приходится на 1997-99 гг., когда выходили сразу две еженедельные газеты – *Славянский набат* и *Личность*. Как несложно отметить, в данный момент проект русоцентризма практически лишен собственных медиа-ресурсов (этот факт, на наш взгляд, весьма важен), поэтому отмеченные «спикеры» используют свой вес и влияние для публикаций либо в государственных СМИ Беларуси, либо в российской патриотической периодике.

Близость идейных установок и хорошие связи в госаппарате позволяют ведущим представителям русоцентристского проекта регулярно печататься и в крупных республиканских газетах, но вряд ли такие возможности могут полностью заменить отсутствие специализированных изданий, где могли бы транслироваться и распространяться подобные идеи.

Что касается движений и общественных организаций, и здесь расцвет уже прошел в 1993-99 гг., когда активно действовали такие организации как Славянский Собор «Белая Русь» и белорусское отделение Русского Национального Единства (РНЕ). Впрочем, после убийства лидера этой организации Глеба Самойлова в 2000 г. РНЕ в Беларуси пришло в очевидный упадок, несколько более поздних попыток возрождения организационной структуры успехом не увенчались.

Сейчас же в Беларуси действует несколько маргинальных радикальных группировок («Схорон Еж Словен», Славянский Союз), но они небольшие по своим размерам, ориентированы преимущественно на агитацию среди молодежи и вряд ли могут рассматриваться как серьезные акторы белорусской политики.

Близка по ориентациям к идеалам русоцентризма и Белорусская патриотическая партия, до 2001 года возглавляемая Анатолием Баранкевичем. После же его смерти руководителем партии стал Николай Улахович, по совместительству – верховный атаман Республиканского общественного объединения «Белорусское казачество» (а также первый редактор газеты *Личность*). Отметим, что она официально зарегистрирована и действует на протяжении долгого времени (с 1996 года), но за все это время ничего существенного – ни в плане политическом, ни в плане идеологическом – добиться не сумела, так и оставшись на периферии культурно-политического пространства Беларуси.

Еще одним своеобразным местом, где формируются и распространяются идеи русоцентризма, является серия «международных научно-практических конференций», кураторством которой занимается Владимир Сацевич. Сам Сацевич ведет общественную деятельность сразу по нескольким фронтам, является председателем комитета «Экология человека» Белорусского социально-экологического союза, членом координационного совета Союза Борьбы за Народную Трезвость и в то же время выступает в качестве организатора родноверческого (неоязыческого) движения в Республике Беларусь. По результатам конференций публикуются сборники материалов под характерным названием *Славянское вече* (всего на 2009 год вышло четыре подобных сборника). Подборка материалов в этих сборниках весьма эклектична: там можно встретить и манифесты родноверов-неоязычников, и антисемитские лозунги, и обычные научные доклады по различной проблематике, которые с таким же успехом могли быть озвучены на любой академической конференции. Вместе с тем, в работе этих конференций принимают активное участие многие из ключевых «спикеров» русоцентризма (те же Криштапович и Скобелев), приглашается очень много русских национал-патриотов различного толка, поэтому с некоторой натяжкой их можно отнести к данному политическому проекту.

Генезис и идейные источники

Сам круг идей, которые ложатся в основу проекта русоцентризма, имеет давнее историческое происхождение, но в современной версии эти идеи впервые были артикулированы в течении западноруссизма.

По сути, современный русоцентризм в Беларуси и является идейным преемником западноруссизма XIX века. Эта преемственность осознается и подчеркивается.

Одной из наиболее значимых фигур западноруссизма считается историк XIX века Михаил Коялович. Причем обращение к его наследию идет не только через символические апелляции и риторические восхваления, но и через интенсивное практическое использование его работ при реконструкции исторического про-

шлого белорусского народа. Например, историософско-историографические этюды Л.Е. Криштаповича *Белоруссия и русская цивилизация*⁴ непосредственно базируются на исторических работах Михаила Кояловича, что явственно следует даже из списка использованной литературы.

Еще одним источником для образования проекта русоцентризма стало славянофильско-националистическое направление в русской философии XIX – начала XX века. В обращение вводится достаточно широкий круг мыслителей (от Достоевского до Ильина), но использование их работ является в высшей степени селекционным, используются в основном отсылки к идее славянского единства и высокой русской духовности.

Если отсылки к западнорусизму и славянофильству скорее используются для целей легитимации, придания авторитетности и исторического лоска, то наиболее важным реальным источником идей, образов и словесных формул становится современное национал-патриотическое движение в России. Это влияние можно определить как и в скрытой форме (общие темы и приемы описания), так и по массовому обилию цитирований, перепечаток и т.п. Кроме того, мы уже упоминали, что многие представители русоцентризма зачастую печатаются в российской периодике национально-патриотического толка (*Завтра*, *Наши современники*, *Русский вестник* и т.д.). Так что в плане декларируемого единства русского мира здесь и в самом деле наблюдается определенная общность среди славянофильского патриотического крыла в России и Беларуси.

Эволюция развития

За рассматриваемый период (1990-2008 гг.) наблюдается определенная эволюция в содержании и формулировках проекта русоцентризма, которая была обусловлена как и внутренним развитием, так и изменением в социально-политической ситуации в Беларуси.

Для начала 90-х была характерна острая болезненная реакция на распад СССР, которая сопровождалась неприятием новообразованного белорусского государства, острой антипатией к власти, которая рассматривалась как реализующая интересы БНФ. В это время одним из важнейших вопросов выступает проблема русского языка: «В Белоруссии вследствие деятельности группы националистов и идущих у них на поводу исполнительных государственных структур сложилось противоестественное положение, когда ставятся вне закона, всячески ущемляются и подавляются русский язык, который является языком коренной нации и на котором говорит и думает большинство граждан Республики»⁵. В это время разворачивается общественная кампания за возвращение русскому языку статуса го-

⁴ Криштапович. *Белоруссия и русская цивилизация*.

⁵ Обращение «Братья Славяне!» // *Русь Белая*. 1993. № 2.

сударственного, публикуется множество статей, где утверждается положение о том, что русский язык является родным для белорусов, и зачастую публикуются различные манифесты и обращения с требованием придать русскому языку государственный статус.

Еще одной главной линией публицистики этого периода можно считать требование восстановления единого государства с Россией. Несмотря на то, что сама идея «союзного государства» является центральной для проекта русоцентризма, формулировалась она по-разному. Если в 1991-1992 годах идеальной государственной формой для сосуществования русского и белорусского народов объявлялся Советский Союз, то в последующие годы речь уже идет о создании единого государства России и Беларуси. Причем в первые годы существования независимого белорусского государства этот проект призывал скорее к ликвидации этого «странного» государственного образования: «В такой ситуации лучше вручить свою судьбу великой России»⁶.

С началом президентского правления Лукашенко происходит постепенное обращение к полной лояльности к государственной власти представителей проекта русоцентризма, хотя заметно, что до 1995 года к нему еще присматривались. Но практическая реализация Лукашенко главных требований, жизненно важных для русоцентризма – придание русскому языку статуса государственного, создание союзного государства с Россией (пускай далеко не в такой радикальной форме, о которой мечтали русоцентристы), постоянные символические апелляции к русской культуре и русскому народу закономерно привлекли к нему симпатии русоцентристов.

С этого времени, этот политический проект нации пользуется активной поддержкой нового Президента Республики Беларусь, которая продолжается и до нынешнего времени.

Но такая позиция «сверхлояльности» к проводимой Лукашенко политике привела и к некоторым изменениям идеологических требований. Наиболее существенные трансформации претерпела как раз идея союза с Россией. Первоначальный лозунг простого возвращения в Россию явно оказался нерелевантным в свете проводимой самостоятельной политики белорусского государства. Соответственно, нужно было искать какие-то иные решения для реализации этой задачи – восстановления единого государства с русским народом. Уже где-то с 1997-98 гг. стали озвучиваться куда более осторожные планы по созданию союзного государства, лишённые первоначального энтузиазма: «При любых интеграционных подвижках – экономических, политических, оборонных, культурных – мы должны свое государство сохранить, а не растворить в новых образованиях. Идя на союз с Россией, мы не можем превращать себя в заложников противоборствующих там криминально-компрадорских группировок, распродающих свою страну иностранному капиталу. Равно как и превращаться в клоаку для накопления при-

---

⁶ Тарасевич, М. Вся надежда на «заморского дядю»? // Русь Белая. 1993. № 5.

бывающего со всего СНГ криминального элемента. На сближение мы должны идти как централизованная славянская держава и своей организованностью и стабильностью способствовать стабилизации российской державы, самоорганизации там славянского населения, высвобождения его из-под влияния враждебных России политических сил»⁷.

Вместе с тем, стоит отметить, что по сравнению со всеми другими проектами нации, существующими в белорусском политическом пространстве, русоцентризм является наиболее жестким и устойчивым. Изменения, произошедшие в его идейном ядре за последние два десятилетия, совсем незначительны и касаются скорее переформулировки задач для политической практики. В отличие от государственнического проекта, для русоцентризма нет необходимости непосредственно подстраиваться под актуальные задачи социально-политического развития, что позволяет ему блюсти идейную чистоту. В отличие от этнонационализма и либерально-демократических проектов, он не испытывал жестких кризисов, вызванных вытеснением из политической сферы и публичной маргинализацией. Такая своеобразная позиция позволяет русоцентризму сохранять в неприкосновенности свои центральные постулаты.

Соотношение с другими концепциями белорусской нации

Собственные представления о культурно-политическом пространстве проекта русоцентризма основываются на подчеркнуто дуалистической картине, где возможны только два полюса Добра и Зла.

Таким образом, есть лишь силы, которые отстаивают интересы белорусского народа, и силы, которые проводят антинародную и антинациональную политику. В формулировке Якова Трещенка это две национальные идеи – православная национальная идея и католический национал-сепаратизм. Одна из них заведомо «правильная»: «Историческим традициям белорусского народа, его мировосприятию, его системе ценностей отвечает только первое, православное, направление. Именно за этот путь неизменно голосует подавляющее большинство народа на выборах и референдумах, этот путь олицетворяет харизматический народный лидер А.Г. Лукашенко»⁸. Другая национальная идея противоестественна и фальшива, более того, смертельно опасна для белорусского народа: «Католический сепаратизм есть попытка разрушить национальный менталитет, заменить живую сущность искусственной конструкцией. Если бы подобная попытка уда-

---

⁷ Малашко, А. Ползучая интервенция // Славянский набат. 1998. № 14.

⁸ Трещенок, Я. Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь. Могилев, 2006. С. 64.

лась, то это означало бы духовное убийство народа, после чего последовало бы и его физическое как православного восточнославянского этноса»⁹.

Лагерь оппонентов предстает как нечто гомогенное и статичное, полностью лишенное дифференциации и динамики. Есть лишь устойчивые описательные характеристики: националисты, прислужники западных господ и т.д. Никакого существенного различия между этнокультурными националистами и либеральными демократами не проводится, все равно – это «предатели родины», поэтому нюансы их взглядов для русоцентризма никакого интереса не представляют.

Соответственно, никакого диалога или дискуссии между описанными национальными идеями быть не может. Современная культурно-политическая ситуация национального развития Беларуси описывается как антагонистическая, где возможна только борьба, хотя так и не понятно, где находится собственно то пространство, где может разворачиваться это противостояние. Фактически же взаимоотношения складываются в плане односторонней полемики, т.е. из публикаций и выступлений, использующих какие-то фрагменты из дискурса оппонентов и эпизоды, которые могут послужить в качестве фактуры для обвинений. В любом случае, оппозиционный лагерь (пускай и в недифференцированном качестве) выполняет для русоцентризма важнейшую функцию «врага», во многом придавая смысл и предназначение для его существования.

Гораздо сложнее провести разделение между русоцентризмом и государственным проектом белорусской нации. Мы уже упоминали о том, что русоцентризм последовательно выдерживает политику лояльности и преданности государственной власти. Еще одно дополнительное затруднение – это включенность многих выдающихся представителей русоцентризма в государственную элиту Республики Беларусь. Поэтому разграничительная линия между этими двумя проектами размыта, но все же существует (иначе и не стоило бы вообще вести речь об отдельном идеологическом проекте).

Русоцентризм как проект национальной идентичности – стабилен и концентрируется вокруг четко определенного круга идей, он идеалистичен в своей сущности. Государственный проект белорусской нации – прагматичен, изменяется в зависимости от колебаний социально-политической ситуации.

В проекте русоцентризма создается идеализированный образ Президента страны Александра Лукашенко, как персонализированного воплощения народных интересов, харизматического вождя, интуитивно осознающего и реализующего национальную политику. Но при этом для русоцентристов остается возможность занять позицию бдительных и сознательных блюстителей народных интересов, которые могут более четко и полно видеть ситуацию, давать советы и указывать на ошибки.

---

⁹ Трещенок, Я. Две белорусские национальные идеи: католический национал-сепаратизм и православная национальная идея. Заметки историка. Белорусский православный информационный портал СОБОР.by. <http://sobor.by/zametki.php>.

При этом существует определенное сходство в идеях, ценностях и риторике русоцентризма и государственного проекта: речь идет и об акцентуации близости белорусского и русского народов, установке на приоритетный союз с Россией, о симпатии к православию. Но если для русоцентризма все системы координат четко расставлены – в союзе с Россией спасение, Запад же несет для Беларуси духовную и физическую смерть, то в государственном проекте заложены возможности для ситуативных изменений и политических игр (что и было продемонстрировано во время «газовых» и «молочных» войн с Россией).

Тем не менее, большинство аналитиков склонны не замечать этих различий и, более того, спокойно приписывать власти полное отождествление с идеями и ценностями русоцентризма в жесткой версии. Такое упрощение и редуцирование положения дел, на наш взгляд, приводит к ошибочному пониманию сущности и характера процессов, которые протекают в культурно-политической сфере Беларуси.

Но перейдем непосредственно к тому, каким образом представляется и описывается белорусская нация в рамках проекта русоцентризма.

Политическая общность

Для конституирования любой идентичности основополагающим моментом является деление на «своих» и «чужих». Представления об общности «своих» в русоцентризме можно представить как состоящие из нескольких концентрических кругов, в центре которых белорусы, затем более широкая общность «своих» – русский народ, и, наконец, еще более широкая и вместе с тем размытая общность – славянский мир.

Центральным понятием, безусловно, является категория «белорусского народа». Она в рамках данного проекта не поддается четкой концептуализации, хотя в качестве главной характеристики безусловно выделяется сущностная принадлежность белорусского народа к русской цивилизации. Зачастую при дескрипции «белорусского народа» воспроизводятся и клише советских времен – о простых тружениках, рабочих людях и т.п.

Теоретическую концептуализацию на более высоком уровне можно встретить у Якова Трещенка, который прибегает уже не к риторическим фигурам советской эпохи, а к современной терминологии социального знания, и употребляет понятие «политической нации»: «Все граждане данной страны, независимо от этнического происхождения, составляют единую политическую нацию. Так, наша страна называется Беларусью, хотя, кроме составляющих большинство белорусов, ее населяют представители многих других этносов. А проживающая в Беларуси полиэтническая по составу нация называется белорусской нацией»¹⁰.

---

¹⁰ Трещенок. Государственная идеология и национальная идея Республики Беларусь. С. 25.

Но русоцентризм далек от идеалов гражданского национализма, предполагающего инклюзивизм по политическому принципу (все граждане страны образуют политическую нацию).

Во-первых, очень сильный акцент ставится на эссенциально присущие белорусскому народу характеристики – культура, дух, менталитет, что означает, что помимо гражданской принадлежности для зачисления в белорусы нужно обладать и некими культурными качествами. Соответственно, чтобы попасть в число белорусов, просто гражданства явно недостаточно, и тут Трещенок сам себе же и противоречит: «Белорус сегодня может исповедовать любую религию или быть атеистом, но белорусом его делает реальная принадлежность к генетически восточнохристианской подсистеме европейской цивилизации и восточнославянской (общерусской) культуре, неотъемлемой частью которой является и белорусская культура»¹¹. Таким образом, в качестве главного критерия принадлежности к белорусской нации все же выступает не этническое происхождение и гражданская принадлежность, а отождествление со специфическим комплексом ценностей.

С другой стороны, из белорусского народа исключается часть этнических белорусов, которые имеют другие политические взгляды.

Другой, более широкий круг «своего» народа – это русский народ, русский мир, русская цивилизация, частью которого, по мнению идеологов русоцентризма, безусловно являются белорусы: «Мы рассматриваем белорусский народ в качестве неотъемлемой части русского народа. Для нас понятие "русский" – не то же самое, что и "великорусский". Великороссы – всего лишь часть русского народа, другими его частями являются белорусы, малороссы (украинцы), русины. Иначе говоря, белорусы, великороссы, малороссы и русины – это субэтносы единого русского этноса»¹².

И, наконец, более широкий ареал «своих» – это славянский мир. Хотя маркер «славянского» часто используется для обозначения «своей» общности, само его наполнение значительно расходится с этнолингвистическими критериями. Чаще всего, термин «славянский» используется только для обозначения восточнославянских народов (русские, украинцы, белорусы), в то время как западные и южные славяне обладают весьма сомнительным статусом, что касается принадлежности к мифологизированному «славянскому миру». Особенно это касается тех наций, где распространен католицизм, но и для православных южнославянских народов места в сердцевине славянской цивилизации не предусмотрено. Они остаются на периферии мышления и риторики русоцентризма.

---

¹¹ Там же. С. 35.

¹² Ложь и правда о Славянском Соборе «Белая Русь» // Русь Белая. 1994. № 6.

Прошлое белорусов

В русоцентризме сильна историографическая традиция, которая черпает свои истоки как из исторических построений западнорусизма, так и из реанимации советской историографии. Мы уже отмечали, что в формулировку данного проекта привлечены многочисленные профессиональные историки (многие со степенями кандидатов и докторов наук).

В целом можно утверждать, что именно для русоцентристского и этно-национального проектов отсылки к прошлому играют существенную роль для легитимации своих притязаний на настоящее Беларуси. Более того, проект русоцентризма выглядит историцистским, где значимый центр находится именно в прошлом.

Апелляции к прошлому в рамках данного идеологического проекта имеют две основные цели (непосредственно вытекающие из дихотомического характера данного типа мировоззрения): легитимация на историческом материале представления о белорусском народе как неотъемлемой части русского суперэтноса и, соответственно, де-легитимация «врагов» и «чужеродной» интерпретации белорусского прошлого, опять же с помощью широкого использования исторических фактов.

Сначала рассмотрим как реализуется первая цель. Она вытекает из основополагающего утверждения, краеугольного камня данного идеологического проекта: белорусы – это часть русского суперэтноса: «Белорус, как великоросс и украинец, по своему миросозерцанию, практической жизни и культуре является русским человеком, а Беларусь, как Россия и Украина, составляют часть единой русской цивилизации. Белорус этнически, исторически и духовно – это русский человек»¹³.

Поиски общих корней уходят к рубежу I-II тыс. н.э., когда восточнославянские племена, по мнению идеологов данного проекта, образовали феодальный союз – Русскую землю, Русь. Отсюда вытекают корни единства русского народа, которое сохраняется до настоящего времени. Сохраняется прямая преемственность историографических построений с работами представителей западнорусизма и советской исторической школой, где обосновывалось родство русского, белорусского и украинского народов, берущее истоки в Киевской Руси: «Из Древнерусского государства, или Киевской Руси, сложившейся древнерусской народности выросли впоследствии различные, но единые в своей основе по общности происхождения, языка, православной веры, культуре и духовности белорусская, украинская и великорусская (русская) народности»¹⁴.

---

¹³ Криштапович, Л. Психология Иуды // Славянский набат. 1998. № 27.

¹⁴ Петриков, П. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е – начало 2000-х годов). Минск, 2007. С. 33.

Сложившееся на основе православия цивилизационное единство не было разорвано и тогда, когда на руинах «Русского мира» образовались враждующие друг с другом государства – Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское. Собственно, с этого момента в «лоне единого русского народа» оформляется деление на три новых этноса, которые, однако, в рамках данного проекта всегда рассматриваются как части единого суперэтноса.

Здесь появляется образ одного из злейших врагов русского народа (и, соответственно, белорусского) – поляков, или точнее, польской политической элиты Речи Посполитой, которая якобы ставила целью уничтожение восточнославянской православной цивилизации с помощью принудительного ополячивания и окатоличивания. Особо негативно рассматривается усвоение местной шляхтой польской культуры и католицизма, что расценивается как акт предательства по отношению к «традиционной» православной культуре, имевший тяжелейшие последствия для развития белорусского народа: «В итоге к концу XVIII в. белорусский этнос оказался практически без своей элиты, интеллигенции, школ, литературного языка, книгопечатания. В Речи Посполитой он был обречен на полонизацию, этническое вымирание и исчезновение с карты Европы»¹⁵.

Активную помощь в разрушении православной (русской) цивилизации на белорусских землях оказывали еще одни идентифицированные враги – иезуиты: «Основная деятельность иезуитов в Белоруссии сводилась к денационализации нашего народа, хотя она и прикрывалась якобы высшими государственными и религиозными целями»¹⁶. Инструментом такого разрушительного воздействия служила церковная уния, отношение к ней в рамках русоцентризма резко отрицательное.

В целом, период истории Великого Княжества Литовского в историографических построениях данного проекта не имеет особого семантического значения, он рассматривается лишь как переходный к периоду Речи Посполитой, ко времени угнетения и упадка. Причем гнет польской шляхты носил два основных измерения: культурно-религиозное и социально-экономическое.

Стоит ли удивляться, что раздел Речи Посполитой и присоединение белорусских земель к Российской империи приобретает статус спасительного акта для угнетенного белорусского народа, едва ли не божественного вмешательства, которое спасло этнос от угрозы окончательного ополячивания: «Присоединение земель Беларуси к Российской империи, включение белорусского этноса в родственный великорусский историко-культурный организм открыли новую страницу нашей истории. Закончилась борьба белорусов за выживание в условиях ВКЛ и Речи Посполитой. Начался трудный процесс возрождения исторической памяти

---

¹⁵ Петриков, П. Основные этапы белорусской государственности. Исторический факультет БГУ. <http://www.hist.bsu.by/bel/nauka/konf/75%20let/konference/petrikov.htm>.

¹⁶ Криштапович. Белоруссия и русская цивилизация. С. 78.

и самосознания белорусского народа, развития его духовности и культуры, национально-государственного самоопределения»¹⁷.

Через соответствующую призму описывается и история XIX в., как едва ли не золотой век для белорусов. Суворов и Муравьев предстают как защитники и ратники белорусского народа, в то время как Костюшко и Калиновский свергаются с вершины национального пантеона и попадают в категорию «католических национал-сепаратистов», корни которых уходят к извечным угнетателям белорусского крестьянства – польской шляхте.

Термин сепаратисты используется в данном проекте как замена «национализму», реабилитированному в российском патриотическом дискурсе 90-х гг. Поскольку в белорусском публичном дискурсе обозначение «националисты» прочно закрепилось за национальными политическими силами, была проделана семантическая операция замещения «националистов» на «сепаратистов».

Отношение же к советскому периоду в рамках данного проекта неоднозначно. С одной стороны, Советский Союз всегда описывается как могущественная держава, принесящая ощутимые блага белорусскому народу: «Революция разбудила энергию и энтузиазм трудящихся. За короткий срок, отведенный историей, ценой невероятных усилий страна сохи и цепа превратилась в могучую индустриальную державу, с которой вынуждены были считаться ведущие государства Запада. После революции в стране была создана система гарантированной трудовой занятости, обеспечены бесплатное образование и здравоохранение, право на отдых. Беларусь, которая в послеоктябрьский период обрела государственность, в союзе с другими братскими республиками совершила рывок в создании мощного экономического потенциала, развития культуры и образования. Для белорусов, в прошлом крестьянской нации, был открыт такой доступ к знаниям, которого они не знали за всю историю своего существования»¹⁸.

Наиболее устойчивы положительные оценки в политических кругах, близких к коммунистам, а также среди старой генерации историков (Петриков, Сташкевич и др.).

С другой, среди некоторых представителей русоцентризма (в первую очередь у Скобелева, Трещенка, Сергеева) периодически проскальзывают критические выпады по отношению к советскому государству, где основные упреки сводятся к подчеркиванию бюрократизации власти и обвинениям в насильственной белорусизации.

В любом случае, распад СССР рассматривается как трагическое событие, в первую очередь из-за того, что было разрушено естественное единство русского суперэтноса, следствием чего стали катастрофические экономические и культурные процессы.

---

¹⁷ Петриков. Очерки новейшей историографии Беларуси. С. 35.

¹⁸ Козляков, В. Исторический выбор народа // Славянский набат. 1997. № 26.

Другая стратегия обращений к историческому прошлому – это борьба против «фальсификаций» истории политическими оппонентами русоцентризма, в первую очередь, речь идет об историках из национально-демократического лагеря. Если просмотреть публикации на историческую тему в соответствующей периодике, то по количеству материалы, посвященные «правильному» изложению истории, равнозначимы критике альтернативных исторических интерпретаций.

Стоит отметить, что критика национальной историографии является в целом одной из важнейших задач, артикулированных в проекте русоцентризма. Подчеркивается «ненаучный» и «неисторический» характер национальной историографии: «Культурологической особенностью националистической исторической школы, – совершенно необоснованно претендующей на представительство белорусской национальной историографии, – является школярское изучение истории Белоруссии. Такое изучение, не требуя вдумчивого исследования, обычно удовлетворяется поверхностными историческими аналогиями и внешней фактурой»¹⁹. Еще одно методологическое обвинение – в «иезуитском» обращении с историческими фактами, где противников обвиняют в игнорировании контекста, передергиваниях и искаженных интерпретациях.

В русле отмеченного конспирологизма у историков, отстаивающих национальную (националистическую) версию белорусского прошлого, усматривается целый набор далеко идущих намерений. В первую очередь, их обвиняют в создании искусственных преград между белорусским и русским народом, которые, как мы помним, в проекте русоцентризма предстают неразрывным целым. Работа с историческим прошлым предстает как инструмент для реализации конкретных политических целей: «Играя на историческом невежестве обывателя и пытаясь спровоцировать антирусские настроения у простого человека, националисты стремятся вбить клин между братскими народами, чтобы и дальше проводить антинародные и антинациональные реформы в Белоруссии в угоду своим западным хозяевам»²⁰.

Здесь можно выделить несколько ключевых эпизодов для белорусской историографии, которые подвергаются «очистке» от фальсификаций и националистических искажений историками, сохраняющими преданность парадигме русоцентризма:

1) указание на общерусский характер Киевской Руси, вследствие чего оспаривается интерпретация Полоцкого княжества как первоначала белорусской государственности;

2) развенчание изображения периода Великого Княжества Литовского как «золотого века» для белорусской национальной истории (утверждается, что власть в этом государстве принадлежала чужеродной в этническом и религиозном отно-

---

¹⁹ Криштапович. Белоруссия и русская цивилизация. С. 11.

²⁰ Там же. С. 24.

шении элите, кроме того, ВКЛ рассматривается лишь как транзитивный период к политике ополячивания и католизации в Речи Посполитой);

3) реабилитация сталинского режима, которая разворачивается по двум основным плоскостям: акцентуация руководящей роли Сталина в победе в Великой Отечественной войне и критика приписывания коммунистическому лидеру организации массовых репрессий (на этой ниве особо плодотворно работает председатель общества «Исторические знания», доктор исторических наук Адам Залеский).

Исторический базис в проекте русоцентризма весьма основательный, поскольку используются как наработки историков-западнорусов, так и богатое наследие советской школы историографии. Но при широчайшем использовании исторического материала видение прошлого в проекте русоцентризма весьма своеобразное. Можно говорить в данном случае о наличии особой историософии, совершенно ненаучной по своему характеру и сущности. С одной стороны, вся историческая фактура подстраивается под уже заданную жесткую интерпретативную схему, что позволяет обходиться без гипотез и исследований, поскольку в истории открывать уже нечего, ее смысл и предназначение ясны и понятны.

С другой стороны, в проекте русоцентризма прошлое монолитно, оно не имеет хронологической оси, что позволяет смешивать различные исторические эпохи и различные социальные слои в идеологических коллажах. Польские шляхтичи, коллаборационисты, иезуиты, гитлеровцы, бэнээфовцы – это один общий враг, с одинаковыми установками и устремлениями. Вновь же, триединый русский народ предстает как вечная и неизменная духовная сущность, характер и ценности которого в выкристаллизованной форме существуют на протяжении тысячелетий. Эссенциализм здесь обретает крайнюю форму выражения, где исторические факты используются для обогащения описания идеалистических сущностей.

Современность

Невозможно представить современную картину мира, рисуемую в русоцентризме, без учета дискурсивных характеристик этого идеологического проекта, которые очерчивались ранее.

Таким образом, в идеологии русоцентризма мир воспринимается строго дуалистически, жестко делится на две части, между которыми нет переходов и нет компромиссов: Восток – Запад, Добро – Зло, Бог – Сатана и т.д.

Естественно, что позитивный полюс образует русский народ либо его семантический заменитель славянский мир. Фактически можно утверждать, что «человечность» и «гуманность» сводятся к русскому/славянскому миру. При этом только русский народ обладает духовностью, культурой и, соответственно, цивилизацией. Все остальное окружение воспринимается как пространство, полно-

стью подчиненное силам зла, стремящимся уничтожить последний оплот цивилизации и высокого духа.

Русский народ обладает уникальной провиденциальной миссией, которая вытягивает до масштаба спасения всего мира. В представлениях идеологов русоцентризма мир уже стоит на грани катастрофы, полного исчезновения, и лишь русский народ может предотвратить его гибель.

Грядущая (и возможно неизбежная?) катастрофа имеет два важнейших измерения: сырьевое и духовное. Как ни странно, но именно борьба за исчезающие ресурсы становится главным объяснительным мотивом для многих процессов, происходящих в современном мире. Распад Советского Союза описывается исключительно как тщательно спланированная и технологически осуществленная акция со стороны западного мира, вызванная желанием захватить обширные сырьевые запасы этого государства.

Другое важнейшее измерение кризиса современного мира заключается в духовной сфере, западная цивилизация описывается как дегенеративная, бездуховная, материалистическая; деградировавший и разлагающийся Запад к тому же пытается агрессивно подчинить себе и последний оплот цивилизации – русскую культуру, в основном с помощью масс-культуры и СМИ: «Детские души программируются на жизненный стандарт, честными средствами не достижимый, а заодно формируется психологический фильтр, через который в душу юных просачивается только культурная дешевка и отцеживается все истинно прекрасное и человеческое. Из западной культуры усваиваются не ее шедевры, а ее отбросы. Формируется то невежество в отечественной и мировой культуре, которое прививали гитлеровские культуртрегеры на оккупированных славянских территориях. В результате воспитываются две категории людей – рабочее быдло, не догадывающееся о том, что оно быдло, и янычары на тот случай, если вдруг это быдло поумнеет и взбунтуется»²¹.

Таким образом, современная реальность описывается как перманентная духовная и информационная война, которая ведется против славянского мира. Здесь мы подходим к многогранному и сложному образу экзистенциального «врага» для белорусов/русского народа/славян. При постоянном ретушировании этого образа, отсылающего к его таинственности и могуществу (иначе сложно было бы поддерживать конспирологическое напряжение), все же по совокупности текстов можно реконструировать сущность и происхождение этого «врага», который чаще всего маркируется как «тайное мировое правительство».

Генеалогия его уходит корнями далеко в историю, а точнее к такой религиозно-политической доктрине как сионизм, который описывается как «расистская человеконенавистническая идеология». Полностью игнорируется исторический контекст, в котором политическое движение сионизма ставило своей главной целью объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине

---

²¹ Титов, О. Янычары из суверенных колоний // Славянский набат. 1997. № 21.

— в Израиле. Вместо этого воспроизводится конспирологический миф, чрезвычайно распространенный среди российских национал-патриотов (откуда он по всей очевидности и был позаимствован) о зловещей цели сионистов на установление мирового господства. «Цель сионистов заключается в установлении финансового и политического контроля в мире через своих людей в правительствах, в сферах бизнеса, банковского и фондового капитала, через подчиненные СМИ. Этакая гигантская монополия кучки сверхбогатых евреев, помешавшихся на идее обогащения (у них один бог – доллар!)»²². Более того, даже европейский фашизм описывает как порождение сионизма²³.

Еще одной зловещей тайной организацией, которой приписываются зловещие планы, являются масоны. Вновь же, теория и практика масонских лож также полностью игнорируется, вместо этого фантазия апологетов русоцентризма строит фантастические образы властных пирамид слившихся воедино сионистских и масонских кланов, в первую очередь в Израиле и США. Внешняя политика этих государств воспринимается как полностью подконтрольная всемогущему сионистско-масонскому тайному правительству: «В США довольно прочно укоренился иудо-сионизм, действует мощное произраильское лобби. Империализм США, сросшийся с сионизмом, открыто претендует на мировое господство, угрожая народам томогавками, беря на себя жандармские функции»²⁴.

Особое внимание уделяется и идеологическим противникам проекта русоцентризма, которые объявляются сознательными агентами «тайного мирового правительства», либо в лучшем случае являются пешками в чужих руках. Это одна из своеобразных «аксиом», постоянных мотивов, которая повторяется едва ли не в каждой статье или книге, созданной «спикерами» русоцентризма.

Мы уже отмечали своеобразный историцизм, характерный для проекта русоцентризма. Отражается он и на изображении «врагов» по устройству белорусской национальной идентичности – национал-демократов, которым приписывается тождество с историческими силами, которые идеологами русоцентризма воспринимаются как враждебные белорусскому/русскому народу. При том, опять же, излюбленным риторическим приемом является смешение различных исторических времен, когда в одном предложении как эквиваленты могут использоваться польская шляхта, коллаборационисты времен Второй мировой войны и современные белорусские националисты. Для русоцентризма – это все одно и то же, смертельно опасный «Враг».

---

²² Диктатуров, А. «Глашатаи свободы» в «фашистской» Беларуси // *Личность*. 1997.

²³ Хотя можно встретить и другую генеалогию фашизма как порождения западной демократии: «Фашизм закономерно вырос из того уровня западной демократии, явился логическим продолжением ценностей того капитализма. Именно поэтому крупная буржуазия, финансовые воротилы сделали ставку на открытую террористическую диктатуру, призванную удушить рабочее движение и социализм, защитить интересы капитала. Именно в этом заключается основная причина возникновения фашизма». Козляков, В. Демфашизм. Краткое исследование одного циничного явления // *Славянский набат*. 1998. № 29.

²⁴ Диктатуров. «Глашатаи свободы» в «фашистской» Беларуси.

В мягком варианте речь идет о сходстве устремлений, ценностей и практик, в более же жестком – о непосредственной преемственности.

По сути, вполне в русле эссенциалистских представлений белорусским националистам приписывается «исконная» тяга к предательству. Проводятся постоянные параллели с местной шляхтой, которая совершила «предательство», приняв католицизм и польский язык, затем с белорусскими национальными деятелями, создавшими БНФ, которые вновь же «предали» интересы страны немцам (любимым примером здесь выступает пресловутая телеграмма кайзеру Вильгельму), ну и, наконец, излюбленным сравнением являются постоянные генеалогические реконструкции к деятельности коллаборационистов времен Второй мировой войны.

При этом белорусских националистов обвиняют в попытках реабилитировать коллаборационистов, что, по мнению представителей русоцентризма, является еще одним прямым свидетельством тождественности «предателей» различных времен²⁵. Особенно достается БНФ: «Не кто иной, как БНФ, поднял на щит и самых злейших врагов белорусского народа, его кровавых палачей – коллаборационистов, служивших Гитлеру»²⁶.

Таким образом, в представлениях русоцентристов Беларуси (и шире, русско-славянской цивилизации) противостоит тайное сионистское правительство, контролирующее практически весь мир и опирающееся на «пятую колонну» внутри республики: «Ни для кого не секрет, что республика буквально нашпигована различного рода фондами, резидентами, магистрами, эмиссарами различных западных организаций, сектами западного происхождения и прочими "агентами влияния", ведущими тайно и явно свою подрывную деятельность. В эту мышиную возню подключились даже представители иностранных посольств»²⁷. Как агентов западного влияния описывают и представителей различных оппозиционных политических движений: «Что стоит за страстным желанием Запада "демократизировать Беларусь"? Сформировать так называемую "политическую элиту", передав ей полноту власти. Проще говоря, подготовить администрацию для будущей колониальной Беларуси, которая верой и правдой стала бы служить новому хозяину»²⁸. Целью их является не только установление западного контроля над страной, но и вмешательство в объединительный процесс славянских народов.

И все же оценки современной ситуации в стране в рамках русоцентризма обладают скорее оптимистическим характером. Утверждается, что планы порабощения маленькой независимой страны потерпели крах, что объясняется двумя основными причинами.

---

²⁵ Козляков. Демфашизм.

²⁶ Степаненко, О. Фронт против народа // Славянский набат. 1999. № 30.

²⁷ Баранкевич, А. Устранить Лукашенко и создать в Беларуси марионеточный режим – таков план Запада // Личность. 1996. № 7.

²⁸ Акулов, В. Беларусь – Евросоюз: что едим и что в уме // Славянский набат. 1997. № 22.

Во-первых, ценности западного мира, с ориентацией на стяжательство и эгоизм, оказываются органически чуждыми неизменному и устойчивому характеру белорусского/русского народа: «Негативное отношение нашего народа к западной системе ценностей обусловлено его цивилизационной природой»²⁹. Поэтому все попытки белорусских националистов навязать иную систему мировоззренческих координат оказываются заранее обреченными на провал: «Их взгляды не способны вместить незыблемые для славянина абсолютные ценности, понять народный архетип, сохраняющий глобальную историческую субъектность всей славяно-православной цивилизации. Изобретенный "за бугром" для белорусов так называемый "национализм" ни в этнической, ни в государственной упаковке никакого отношения к славянскому миру не имеет и не может соблазнить белорусов, которые мыслят и чувствуют другими масштабами»³⁰.

Во-вторых, особое значение придается той роли, которую выполняет Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко, который рассматривается как персонифицированное воплощение ценностей народа: «Совсем не случайно миллионы людей называют А. Лукашенко "бацька": он призван осуществить народные чаяния, и он, как никто другой на территории СНГ, стремится осуществлять их»³¹. Но если «народу» приписывается пассивное неприятие чуждых ему ценностей, то Лукашенко выступает как активный актер, который осуществляет спасительную миссию по предотвращению заговора против белорусского народа.

Таким образом, современная ситуация в Беларуси описывается как противостояние двух сил – белорусского народа (воплощением духа и ценностей которого является Александр Лукашенко) и тайного мирового правительства, которое с помощью своих агентов – оппозиционных сил – пытается установить контроль над страной. При этом данное противостояние приобретает еще более значительную перспективу. Беларусь (и ее Президент) рассматривается как последний бастион русского мира, отстаивающий ценности славянской цивилизации перед агрессивным наступлением тайного мирового правительства: «И именно потому, что Беларусь противодействует западным планам, сохраняет славяно-советскую цивилизационную природу, она подвергается яростным нападкам со стороны всех прозападных сил. Образно говоря, все силы ада брошены сегодня на Беларусь, чтобы сбить ее со славянской орбиты и привязать к западной колеснице, несущейся в преисподнюю»³².

Соответственно, Беларусь наделяется сотериологическим статусом «спасительницы мира», поскольку вся человеческая цивилизация приравнивается к Руси: «Пока только Беларусь сохраняет потенциальную возможность возбудить остальную Русь на великие дела... Уже сейчас Лукашенко подсознательно действу-

---

²⁹ Храмов, В. И права «коллективного гражданина» надо защищать // Славянский набат. 1997. № 15.

³⁰ Гурин, В. Иноземные уши бэнээфовского «национализма» // Славянский набат. 1997. № 6.

³¹ Скобелев, Э. Характер белорусского народа и будущее нации // Славянский набат. 1997. № 20.

³² Криштапович, Л. Услышать глас народа // Славянский набат. 1997. № 12.

ет в духе славянского учения. В качестве примера можно взять союз Белоруссии и России. Пока это лишь формальное объединение, но если его наполнить содержанием, Русь не только спасется сама, но и спасет другие народы от надвигающейся катастрофы»³³. Соответственно, это наделяет политическое противостояние визионерским измерением, где защитники ценностей славянской цивилизации рассматривают себя как последних защитников Добра: «Мы объявляем священную войну Мировому Злу. Наперекор всему мы крупича за крупичей будем закладывать фундамент будущего Величия и Возрождения»³⁴.

Прогноз развития

Прогностические сценарии в проекте русоцентризма насыщены эсхатологическими нотками, что вытекает из описания настоящей ситуации: поскольку практически весь мир находится под контролем тайного сионистского правительства и лишь Беларусь остается островком свободы, то предлагаются только два сценария, в зависимости от того, удастся ли сионистам подчинить страну.

Итак, в публицистических работах представителей русоцентризма много внимания уделяется описанию трагических картин будущего мира, превращения большинства людей в послушных рабов в результате установления глобалистской диктатуры.

Предполагается, что первым шагом к концу света станет приход к власти марионеточных сил, которые сдадут Беларусь под западный контроль. Соответственно, будут ликвидированы все шансы для восстановления союза славянских народов, единственной надежды для спасения всего мира по скромной оценке русоцентристов.

Картина же «нового мирового порядка» выглядит ужасающей и животрепещущей. Это предполагает установление тайного политического и экономического контроля тайного сионистского правительства над всеми странами мира через своих ставленников, а также с помощью международных фондов. На территории бывшего Советского Союза задачей «сионистов» является максимальное раздробление государств, препятствование каким-либо интеграционным процессам, что упростит установление полного контроля над этими территориями. Параллельно будет идти процесс навязывания западных ценностей, которые воспринимаются как полностью чуждые славянскому духу, и соответственно, результатом станет лишь разрушение основ славянской цивилизации.

С одной стороны, создание национальных государств при развале Советского Союза рассматривается как прямой результат подпольной активности тайного

---

³³ Немчинов, Е. Славянское учение – природопостигающая Русь // Славянское вече: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 13-19 декабря 2000. Минск, 2002. С. 175.

³⁴ Геращенко, А. Под черно-золотисто-белым флагом! // Русь Белая. 1994. № 1.

мирового правительства и его агентов, но с другой, уже и сами нации подлежат дальнейшему уничтожению как помехи на пути установления тотального контроля над миром: «Но его (Запада – А.Л.) цель – упразднение национальных культур и их жизнеспособности, поглощение западной цивилизации монстром мондиализма, который является геополитическим орудием шайки, мечтающей о мировой гегемонии и упорно пролагающей к ней дорогу»³⁵.

При этом картина грядущего либерально-демократического мира явно обладает ярко выраженными апокалипсическими свойствами, где задачей «мировой закулисы» стоит «превратить многоцветье современного мира в некое, лишенное красок, "геополитическое пространство", на котором Сатана и его слуги будут водить свои бесовские хороводы»³⁶.

Такие мотивы способствуют усилению мотивации для социальной мобилизации сторонников проекта русоцентризма, возлаганию на них особой миссии по спасению мира.

Уже упоминалось, что фактически единственным препятствием для эсхатологического сценария является Беларусь, с ее славянскими ценностями и мессианским вождем Александром Лукашенко. Это предполагает безусловную поддержку проводимой им политики, которая рассматривается как практическая реализация ценностей и идеалов русоцентризма. Фактически программные требования сводятся к продолжению и развитию уже проводимой экономической, социальной и культурной политики.

Особое значение придается «восстановлению» союза славянских народов (хотя вполне допустимой выглядит редукция к союзу с Россией). Поскольку русский народ рассматривается исключительно как триединство трех народов, то разрушение этой целостности ощущается как болезненная травма, препятствующая сохранению культуры и отстаиванию своей государственности. Поэтому союз с Россией приобретает статус наиважнейшей задачи, хотя перспективы его прописаны довольно туманно.

Наиболее конкретны указания на определенные экономические выгоды, достигаемые с помощью этого союза: доступ к богатейшим российским сырьевым запасам, общий рынок и т.д. Еще одним важнейшим мотивом для объединения выступает возможность более успешного противостояния агрессивным планам «сионистского правительства»: «Сегодня исторический водораздел в Беларуси проходит не между демократией и диктатурой, а между колониальной зависимостью от Запада и объединением Беларуси и России в Союзное государство, ведущим к освобождению от западной зависимости и антинародных реформ»³⁷.

Но более значим этот союз все же по идеалистическим причинам, которые в проекте русоцентризма всегда ставятся во главу. Предполагается, что с созданием Союзного государства будет положено начало возрождению гуманной систе-

³⁵ Скобелев. Характер белорусского народа и будущее нации.

³⁶ Акулов. Беларусь – Евросоюз.

³⁷ Криштапович, Л. Права. Свобода. Демократия // Славянский набат. 1998. № 37.

мы ценностей: социальной справедливости, национального равенства, труда, солидарности, общности, взаимопомощи. Никаких конкретных механизмов и путей установления такого идеального состояния не прописывается: простая ликвидация травматически ощущаемой разделенности уже должна привести к гармоничному обществу.

Заключение

Некоторое время проект русоцентризма вполне успешно вписывался в идеологическую повестку дня для белорусской власти, что особенно было заметно во второй половине 90-х, когда наиболее актуализирован был план построения союзного государства с Россией, и тогда идеи русоцентризма рассматривались как обоснование данного геополитического альянса. Но зафиксированная жесткость и ригидность этого идеологического проекта привела к постепенному оттеснению представителей русоцентризма от влияния на принятие конкретных политических решений. При сохранении за ведущими «спикерами» престижных мест при власти, сам русоцентризм все более не соответствует ситуационным и динамичным государственным интересам. Избранная стратегия выхода из экономического кризиса (либерализация, помощь от международных финансовых организаций) приводит к подрыву и диссолюции устоявшихся русоцентристских идеологем (Лукашенко как героический борец с международной финансовой системой). Соответственно, современная ситуация ставит перед проектом русоцентризма серьезный вызов, когда зафиксированный в этом тексте набор интерпретационных схем необходимо менять, как утративший свою применимость к белорусским реалиям. Длительная интеллектуальная стагнация русоцентризма, где со второй половины 90-х годов не наблюдалось никакого интеллектуального развития, подсказывает, что выход из этого критического положения для русоцентризма будет найти достаточно сложно. Перспективы его на возвращение своего привилегированного положения также выглядят призрачными. Поэтому анализ русоцентризма вскоре может целиком уйти в область истории идей, если не будет какого-либо значительного обновления этого проекта (как в плане идейном, так и институциональном).